

СНОВА и снова: Черная речка, снег, пистолеты, сани, Дантес, Натали, Никита вносит Пушкина в лестницу на руках, сумерки, свечи, а утром еще никто ничего не знал, утром еще и секунданта у него не было, никак найти не мог, как все быстро, тайно, а сейчас он уже «в опасности жизни», как будет сказано в полицейском протоколе. И — жизнь вся, конец, дальше — только бессмертие.

Снова и снова прокручиваются в нашем сознании эти мгновения, известные теперь каждому школьнику, реальная и жестокая трагедия обрела жанр романтической легенды, на Пушкина накладывают грим Ленского, и люди снова и снова печальтесь, ахают, волнуются и судачат, словно 27 января 1837 года было только вчера. Кажется, уже все сказано, выяснено, проведены все исследования, вплоть до подробнейших медицинских, но нет, мы снова и снова перебираем детали и оттенки, цитируем, открываем для себя новое (и еще не все, пожалуй, открыто), кто почти с горячностью родственников судит жену, кто мужа, кто царя и Бенкендорфа, и нескончаем —

это я отваживаюсь что-то говорить о нем, но отчего-то сегодня вот это «невольник чести» затрагивает больше всего.

Молодой Лермонтов в день смерти «заступился» за Пушкина. Мы повторяем эти строки почти автоматически, привыкли, а ими отмечено, может быть, самое главное. Самое главное и в жизни Пушкина, и в «тайне» его гибели. Эти стихи — ответ, отповедь. Безвестный 23-летний лейб-гвардии подпрапорщик даже в тесном петербургском свете далеко стоял от знаменитого 37-летнего корифея литературы Пушкина, но, разумеется, все слышал, знал, доносилось — Пушкин со всеми его историями постоянно был на виду.

К сожалению, за 150 прошедших лет понятия о чести сильно уяли в нашем обществе. Тогда тоже не все были очень-то щепетильны на этот счет, но по крайней мере люди одного круга всегда могли заставить один другого вспомнить, что есть честь, какова цена ее. «Невольник чести» — пушкинские слова, не лермонтовские. В «Кавказском пленнике» читаем: «Невольник чести беспощадной, вблизи видал он свой конец, на

поэм, и Пушкина, историка и исследователя, мыслителя, зрелого писателя, которому, как зрелому Толстому, уже неинтересно и неловко стало писать «художественное», казавшееся все более поверхностным и дошлым, — но именно этого-то и ждет всегда публика и обвиняет поэта, который больше ей «такого» не представляет, исписавшимся и уставшим.

Пока Пушкин совершенствовался, «его» общество все более дичало. Большинство подлинных людей чести были изгнаны из этого общества после 14 декабря 1825 года. За десять лет своего правления Николай I вполне успел в создании полицейского и фарисейского государства. Иван Киреевский, издатель и критик, писал, что царь «никогда не любил словесности и никогда не покровительствовал ей. Быть литератором и подозрительным человеком — в его глазах было однозначительно». С Пушкиным царь всегда играл, напускал на себя вид, будто что-то понимает (он был всего на три года старше Пушкина, только росту здорового), вроде бы покровительствовал ему, опекал, и был момент, когда Пушкин просто-

жении к высокому таланту Пушкина, это был характер невыносимый. Он все как будто боялся, что его мало уважают, недостаточно почта оказывают...

Грустно, но что поделаешь, жизнь всегда выше литературы, сближение с людьми умалит пророка, быт нивелирует даже гения. «Моя кухарка не знает, что я великий человек», — говорил Вольтер. Пушкин, сын своего века, вынужден был жить по его законам — как иначе? И жил, служил, писал, гулял, страдал, сам, что греха таить, много «приударял» за чужими женами, и являл, и наживал врагов. Но это все-таки не главное в развитии гениального писателя. Главное — это следование себе, постоянство в осуществлении своей Идеи. Надо думать, что главной идеей Пушкина была Свобода. Он сам был Свободой: таким родился, вырос, таким прожил всю жизнь. «Свободы, гения и славы палачи». Всю жизнь его гнули и притесняли, и всю жизнь он отбивался, высказывал, оказывался все же наверху. Вот и это тоже раздражало: смотрите, что себе позволяет! Мы уже давно вытянулись на задних лапках, а он... Но главное, конечно, это то, что каждая его строчка говорит о свободе. Все им написанное — вылило из свободной души. И, может быть, в этом секрет бессмертного пушкинского обаяния. Но ему было мало себя: автор famых высоких стихов думал о свободе народа, писал «Дубровского», «Историю Пугачева», «Бориса Годунова».

Николай I тоже имел свою идею жизни и осуществлял ее тоже последовательно и не без успеха: его идеей было удушение свободы. И прежде всего свободы (независимости, достоинства, самосуществования) личности. Государственная власть не просто призвала человека к себе на служение — она покушалась уже и на его душу, и на его частную жизнь. Кто не рад служить Отечеству, но почему же надо непременно холопом? Пушкин писал в знаменитом письме Чаадаеву: «Нужно признать, что наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, к справедливости и правде, это циническое презрение к мысли и к человеческому достоинству действительно приводят к отчаянию».

Непонимание убийственно. У Пушкина были гениальные планы, великие замыслы, но жизнь запутывала и запутывала его. Наталья Николаевна писала брату Дмитрию: «Я тебе открыто признаюсь, что мы в таком бедственном положении, что бывают дни, когда я не знаю, как вести дом, голова у меня идет кругом. Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам и, следовательно, в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию».

Меньше чем за год до дуэли у Пушкина умерла мать, он ездил хоронить ее в Святые Горы и себе заметил место для могилы. Он написал «Памятник». Он болезненно часто стал думать и писать о смерти. Росли долги (50 тысяч). «Современник» терял подписчиков, зато процветал Булгарин с его дешевыми романами (почти детективами). Первым поэтом сделался в эту пору Бенедиктов. В конце 1836 года был закрыт «Телеграф», напечатанный «Философическое письмо» Чаадаева, редактора Н. Надеждина сослали в Усть-Сысольск, а Чаадаева объявили сумасшедшим. Нервы у Пушкина были на пределе. Он едва не стрелялся с писателем Соллогубом, и в течение последнего года жизни мог затеять еще два других поединка. Открытыми врагами Пушкина стали осмеянный им в оде о Лукулле Уваров, Нессельроде, Бобринские, а между тем Уваров был министром просвещения, Нессельроде — министром иностранных дел. Посланники, министры, салоны, моды, наряды, «вращенье» в свете — «зачем от мирных нег и друзей простодушной вступил он в этот свет завистливый и душный?» Пушкин и хотел вырваться, да не мог. Подавал в отставку, да его напугали немилостью. Все заделало его самолюбие, его честь, смеялось и ставило под сомнение всю его деятельность. Вращенье в свете закручивалось в винт смерти.

Еще в 1820 году, когда Пушкин был вызван по поводу вольных стихов и эпиграмм на допрос к генералу Милорадовичу и по столице разнеслась сплетня, что Пушкина чуть ли не выпорол, молодой поэт впал в неистовое бешенство, хотел застрелиться или быть посланным в Сибирь — только бы честь его не была столь подло затронута. Да, потому что честь делала тебя человеком. В глазах людей и в своих собственных. Затронуть честь — означало затронуть все: имя, семью, род, деятельность, дружбу, любовь, будущее — все. Как не быть невольником чести? «Чести беспощадной». Надо быть готовым в одну секунду умереть за свою госпожу.

И раньше говорили, а теперь и подавно: зачем? Из-за чего? Из-за кого? Стоило ли?..

Так хочется, чтобы сегодня, 150 лет спустя, мы по крайней мере понимали отчетливо: из-за кого, из-за чего, во имя чего и кто.

И делали бы выводы.

НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ

Михаил РОЩИН

вот уже 150 лет! — этот поток суждений и слухов, догадок и загадок. Это любовь, это наша любовь к нему, давняя и теперь уж, надо думать, вечная, говорит в нас. Удивительно. Почти невероятно. Пожалуй, даже чрезмерно. Но с этим уже ничего не поделаешь. Мы торжественно поминаем даже дату его кончины.

Народ жалеет Пушкина. По-своему, по-человечески, даже независимо от поэзии. Дети слушают биографию Пушкина и всегда сострадают. В самом деле, был смугл, некрасив, мал ростом (если точно — 166 сантиметров), воспитывался нянькой, мать с отцом были заняты собою, двенадцати лет мальчика сдали в Лицей, и что бы там ни говорили про этот замечательный Лицей, но ребенок шесть долгих лет прожил в своем казенном 14-м «нумере», где были стол, кровать и умывальник, — отсюда он научился жить по-чужому, бездомно, ссыльно, одиноко. Но зато стал крепок, ловок, фехтовал, стрелял, прыгал, скакал на коне. Вообще был живой, веселый, озорной. Прозвища имел «Француз», «Сверчок». Рано прочел множество книжек, особенно французских, умел был не по годам. Другей любил, был им предан, и народ всегда клубился вокруг него. «Сверчок», например, прозвал его Александр Иванович Тургенев, один из замечательных деятелей той эпохи, брат декабриста, сам с годами ставший из верноподданного оппозиционером. Это Александр Иванович устраивал мальчика Пушкина в Лицей, потому что денег у родителей никогда не водилось, имения закладывались и перекладывались, и позже, кстати, одной из причин, по которой Гончаровы не хотели отдавать свою шестнадцатилетнюю красавицу Наталью за Пушкина, было его безденежье. Александр Иванович глядел 12-летнего Пушкина по голове, потом ругал за раннее вольнодумство, и он же, волею судеб, единственный сопровождал вместе с двумя жандармами гроб с телом Пушкина в Святые Горы.

Пушкин был богат друзьями, а в последний свой, дуэльный день, не мог во всем Петербурге отыскать себе секунданта. Но, впрочем, надо различать юные и поздние годы Пушкина, переменялось в краткое сравнительно время очень многое.

Мы знаем: Пушкин совсем мало «погулял» после Лицея на воле, а затем сразу — ссылка на несколько лет, и уже навсегда — ссылки, слежки, о каждом шаге надо спрашивать самого царя или шефа жандармов, без разрешения нельзя даже уехать в Москву или читать друзьям вслух «Бориса Годунова». Никогда ничего нельзя. За границу не ездил ни разу, хотя очень хотел посмотреть другие страны и просился даже в Китай, — нельзя! Другой причиной, по которой те же Гончаровы отказывали Пушкину, была его неблагонадежность, и пришлось ему писать возмущенное и униженное письмо Бенкендорфу, чтобы тот успокоил будущих родственников.

И за жену же (так судят люди). Пушкин в конце концов и пострадал. Не так важно, было там что у нее с Дантесом или нет, причастен ли к этому сам царь или это только сплетня, но факт есть факт: за оскорбленную свою честь пошел Пушкин на дуэль и был убит в расцвете сил 37 лет от роду. Как его не пожалеть.

«Погиб поэт! — невольник чести». — воскликнет молодой Лермонтов и сразу попадет в самую точку: «невольник чести».

Уж, кажется, все сказано о Пушкине, и я сам не понимаю. — тоже помрачение любви! — как

поединках твердый, хладный, встреча гибельный свинец... А помните эпиграф к «Капитанской дочке»: «Береги честь смолоду»?

Шестисотлетний род Пушкиных берет начало от Радши, Рачи, упомянутого в летописи, и Пушкину всегда нравилось, что этого Рачу летописец именует «мужем честным». Самолюбие, может быть, являлось одной из главных черт пушкинской натуры.

Честь — глубокое и емкое понятие. Честь предполагает прежде всего самосознание, понятие человека о себе самом как о личности единственной и неповторимой, ценностной и значимой. Честь, достоинство предполагают наличие своей этики.

Канонизируя Пушкина и по любви все ему прощая, мы забываем, что и у него были слабости, что он подвержен был тоже суевериям и суеверным желаниям, «честолюбивым мечтам». Он, например, не любил, когда в обществе рекомендовали его или представляли сочинителем. Это было как бы второе. А на первом месте был индивидуум Александр Пушкин, русский дворянин, ровня всем «своим». Он стал презирать свет, когда устал, узнал ему цену, когда сам значительно вырос духовно, сам стал из первых «аристократов духа» в России, но до этого тоже «лез» в этот самый свет, тянулся к аристократии (там безусловно было немало личностей, которые могли привлечь поэта), но общий закон света строился отнюдь не на демократической оценке подлинных достоинств человека.

Постепенно, все более сознавая себя Поэтом, Философом, Историком, утрачивая юные легкомыслие, или точнее легкоповедение, Пушкин стал по-иному судить и о чести: дело было уже не в родовитости, не в древнем «муже честном» Раче, а в самом Пушкине, человеке и творце. «Только в последних годах жизни, — пишет первый биограф Пушкина П. Анненков, — теряет Пушкин ложный стыд и является в свет уже как писатель».

В творчестве Пушкин тоже двигался все более и более к «простому» человеку, к «Медному всаднику», не зря так и ненапечатанному: впервые в нашей литературе идея государственности, мощи преобразований, силы державной был противопоставлен личный интерес одного маленького человека, которого бесследно и беспощадно стаптывают своими железными конями бесконечные «медные всадники» нашей истории. Вспомним, как написал об этом Белинский: «Нравственное образование делает нас просто «человеком», т. е. существом, отражающим на себе отблеск божественности и потому высоко стоящим над миром животных. Хорошо быть ученым, поэтом, воином, законодателем и проч., но худо не быть при этом «человеком», быть же «человеком» — значит иметь полное и законное право на существование и не будучи ничем другим, как только «человеком». Замечательные слова! И навеяны они анализом творчества Пушкина!..

Не надо забывать, разумеется, о том, что умный Пушкин понимал, кто есть он сам, в какую фигуру превращает его собственное творчество, — и не только в утешение своему тщеславию, но и для всей отечественной литературы, а стало быть, и для самой России. «Ты, Моцарт, бог и сам того не знаешь». Эта фраза выдает Пушкина: он, конечно, осознавал свой гений и свою обязанность дорожить им.

Здесь нет места проследить быстрый рост и смену интересов Пушкина, автора юных стихов и

душно очаровался царем, поверил, что тот способен на прогрессивные преобразования. Но Николай как начал с виселиц, так вешателем и остался, а Пушкину его заблуждения стоили дорого, в том числе и анонимных писем, где его обвиняли, что он предал идеалы своей молодости, друзей и саму идею «вольности». Но, конечно, это было не так, и даже Бенкендорф скажет в конце концов о Пушкине, что он был «великий либерал, ненавистник всякой власти».

Общество разлагало лезть, депотия, казнокрадство, приспосабличество, официоз, — го-голь, между прочим, уже написал «Ревизора», а Грибоедов — «Горе от ума». Царю было позволительно все, подданные же должны были стоять перед ним на задних лапках. В их числе и камер-юнкер Александр Пушкин.

Какое вечное и трагическое недоразумение! Неужество царей, их утилитарное мышление никогда не дают им возможности хотя бы предположить, что какой-то там невзрачный поэтишка, безумец-изобретатель или мазила-художник, рисующий совсем не так, как другие, в конце концов оставят на веки рядом со своим именем имя бездари-царя, клейменного в истории позором за свое небрежение тщедушным на первый взгляд творцом.

Царь был коварен, сластолюбив, самодоволен, холоден, груб, в свете процветали соответствующие нравы. Перечитай-те, например, как описан Николай I Л. Н. Толстым в «Хаджи-Мурате» — убийственная характеристика. А Пушкин почти изо дня в день должен был появляться на балах, камер-юнкерам даже особо выговаривалось, чтоб повсюду присутствовали, где будет государь. Общество обожало сплетни, «случаи», романы, поощряло любовников, осмеивало «рогоносцев» или обманутых жен. Как всегда. Вспомним, у того же Толстого мать Вронского говорит, что ничто так не способствует карьере и блеску молодого человека в свете, как шумный роман. Вспомним также, что красавцу Дантесу, французскому кавалергарду, любимцу салонов, в эту пору 24 года, Натали Пушкиной тоже 24, весь «свет» ахает и охает двусмысленно, едва они подойдут друг к другу: какая пара! Подобное считается нормой, мужьям лучше вообще таких вещей не замечать. У Лермонтова: «Смеясь, он дерзко презирал земли чужой язык и нравы». Да, мы забываем, что Дантес даже русского языка почти не знал и никогда не прочел ни одной книги. Вся пошла-тина, невежество, внешний блеск, все ненавидимое Пушкиным как нарочно сошлись в его противнике. А в «свете его обожали. И он явился перед Пушкиным посланником «оттуда», от «них» и влез в его дом, в семью, женился на Екатерине Николаевне, опять домогался Натали, кружил ей голову. «Но какая женщина, — писала Дарья Хитрово-Фикельмон в своем дневнике, — посмела бы осудить госпожу Пушкину? Ни одна, потому что все мы находили удовольствие в том, чтобы нами восхищались и нас любили — все мы слишком часто бываем неосторожны и играем с сердцами в эту ужасную и безрасчетную игру!.. Никогда... перекрестный свет не был так кокетлив, так легкомыслен, так неосторожен в гостинях, как в эту зиму!»

Судьба!

Князь Трубецкой, друг Дантеса, вспоминал: «Пушкин вовсе не ревновал, но как он сам выражался, ему Дантес был противен». И далее, тут же: «Надо признаться, при всем ува-

